

Ты удалил от меня друга и
искреннего; знакомых моих не
видно.

Псалтирь, 87:19

Глава I

Роберт Бантинг и его жена Эллиен сидели перед очагом, где тусклым пламенем горели аккуратно сложенные дрова. Чистота и порядок в комнате поражали взгляд, в особенности если учесть, что дом располагался на одной из самых неприглядных, если не сказать грязных, улиц Лондона. Случайный гость (принадлежащий к более высокому сословию, чем хозяева), распахнув без стука дверь гостиной, подумал бы, что мистер и миссис Бантинг являют собой весьма приятный образец семейного согласия и уюта. На внешности супруга (он сидел в глубоком кожаном кресле), чисто выбритого и щеголевато одетого, лежал отпечаток занятия, которому он посвятил долгие годы. Бантинг походил на лакея, но лакея с чувством собственного достоинства.

Меньше сказалась многолетняя работа прислужкой на его жене, занимавшей неудобный стул с прямой спинкой. И все же следы прошлого угадывались: в строгом и опрятном черном платье, безупречно чистом гладком воротничке и таких же манжетах. До замужества миссис Бантинг была горничной, причем очень дельной.

Надо, однако, заметить, что, как ни странно, средние англичане нередко оправдывают собой поговорку «внешность обманчива». Комната, где находились

мистер и миссис Бантинг, была очень недурна, и в свое время — как же давно оно минуло! — оба супруга немало гордились тщательно выбранной обстановкой. Вещи отличались добротностью и основательностью, вся без исключения мебель была куплена на солидном аукционе в одном частном доме.

Красные даматовые шторы, скрывавшие от глаз хозяев туман и слякоть Мэрилебон-роуд, обошлись в сущие гроши, но могли прослужить, судя по всему, еще три десятка лет. Не менее удачную покупку представляли собой и великолепный аксминстерский ковер на полу, и кресло, где сидел сейчас мистер Бантинг, склонившись вперед и глядя в тусклый огонь. Надо сказать, приобретая это кресло, миссис Бантинг сделала экстравагантный шаг. Ей хотелось, чтобы ее муж имел возможность хорошенько отдохнуть после работы, и она выложила за кресло целых тридцать семь шиллингов. Не далее как вчера Бантинг нашел было для него покупателя, но тот догадался, насколько нуждаются сейчас супруги, и предложил всего-навсего двенадцать шиллингов и шесть пенсов. Сделка сорвалась, и кресло пока осталось на месте.

Но как ни ценили Бантинги жизненные удобства, им все же хотелось чего-то большего. На стенах гостиной висело несколько поблекших фотографий в аккуратных рамках: портреты прежних нанимателей мистера и миссис Бантинг и виды красивых загородных домов, где они, еще не будучи женаты, провели на службе долгие и, можно сказать, довольно счастливые годы.

Да, тут внешний облик был не просто обманчив, а обманчив вдвойне. Сохранив хорошую мебель — ат-

рибут респектабельности, с которым разумные люди, даже впад в крайнюю нужду, расстаются в последнюю очередь, — несчастные супруги успели потерять почти все остальное, что у них было. Им уже приходилось голодать, а теперь предстояло еще и мерзнуть. Некоторое время назад мистер Бантинг вынужден был отказаться от табака — удовольствия, за которое обычно держатся до конца. И даже миссис Бантинг — женщина разумная и приверженная порядку — не могла не понимать, чего это ему стоило. Недавно она не вытерпела, выскользнула из дома и приобрела для мужа пачку виргинского табака. Бантинг был растроган — впервые за долгие годы его настолько тронули женская забота и любовь. Невольные слезы выступили у него на глазах, и муж и жена, оба люди невозмутимые, почувствовали укол в сердце.

К счастью, Бантинг так никогда и не догадался — да и как мог до этого дойти его обыденный, неповоротливый ум, — что бедной Эллен не однажды пришлось горько пожалеть о потраченных четырех с половиной пенсах, ведь теперь супруги вплотную приблизились к краю пропасти и с благополучного плоскогорья, обитатели которого ведут если не счастливое, то, во всяком случае, респектабельное существование, могли легко низринуться в бездну нищеты, куда людей приводит либо собственная вина, либо обстоятельства, диктуемые нашим странным общественным устройством, и где их безнадежная борьба с судьбой заканчивается смертью в работном доме, больнице или тюрьме.

Если бы Бантинги принадлежали к более низкому общественному слою, к той обширной категории,

которую принято обозначать словом «бедняки», то нашлись бы, конечно, доброхоты из числа друженственно настроенных соседей; не оставили бы супругов без поддержки и представители высшего сословия, бывшие многолетние их хозяева — люди самодовольные и лишенные воображения, но все же добрые. Но Бантинги были далеки как от тех, так и от других.

Во всем мире существовал лишь один человек, который мог бы прийти Бантингам на помощь, — тетка первой жены Бантинга. У этой состоятельной вдовы жила Дейзи, единственный ребенок Бантинга от первого брака. Последние два дня Бантинг мысленно уговаривал себя взяться за перо, хотя почти не сомневался в том, что ответом старой дамы будет резкий, безжалостный отказ.

Что касается немногих знакомых, прежних сослуживцев Бантинга, то связи с ними постепенно ослабели и давно уже сошли на нет. Оставался только один друг, который заглядывал проведать впавших в нужду супругов. Это был молодой человек по фамилии Чандлер, у деда которого Бантинг в незапамятные времена служил лакеем. Джо Чандлер никогда в услужении не состоял, он был связан с полицией. Если называть вещи своими именами, юный Чандлер был сыщиком.

Когда супруги только-только поселились в этом злосчастном (по мнению обоих) доме, Бантинг частенько приглашал молодого человека, чтобы послушать его рассказы, очень интересные, а порой и захватывающие. Но теперь у бедного Бантинга не осталось ни малейшего желания слушать истории о том, как кого-то «отловили» или как еще кому-то по непрости-

тельной глупости позволили избежать участи, которой он, по мнению Чандлера, безусловно, заслуживал.

Однако Джо все так же аккуратно навещал супругов один-два раза в неделю, выбирая такое время, когда нет необходимости предлагать гостям угощение. Более того, он доказал, что обладает добрым и чувствительным сердцем, предложив старым друзьям своего отца ссуду, и Бантинг под конец решился занять у него тридцать шиллингов. Сейчас от этой суммы оставалось немного: у Бантинга звенела в кармане какая-то мелочь, и миссис Бантинг хранила у себя два шиллинга и девять пенсов. Кроме этого запаса, а также денег за аренду дома, которые им предстояло выплатить через пять недель, супруги не располагали ничем. Все, что легко было вынести из дома и что стоило хоть каких-нибудь денег, было продано. Миссис Бантинг как огня боялась ростовщиков. Она ни разу в жизни не ступала на порог их лавок и утверждала, что скорее умрет, чем проложит туда дорогу.

Но она промолчала, когда одна за другой начали исчезать мелочи, которые, как ей было известно, ценил ее муж: прежде всего старомодная золотая цепочка для часов — наследство от первого хозяина; за ним Бантинг верно и преданно ухаживал во время его длительной болезни. Исчезли также витая булавка для галстука и большое траурное кольцо — подарок прежних хозяев.

Когда перед людьми маячит пропасть, означающая конец благополучного существования, и они с каждым днем приближаются к ее краю, тогда даже самые словоохотливые бывают склонны впасть в долгое молчание. Бантинг всегда любил поговорить, теперь

же сделался молчаливым. Помалкивала и миссис Бантинг, но она и прежде предпочитала держать язык за зубами: это была одна из причин, почему Бантинга с первой же встречи к ней потянуло.

А произошло это так. Хозяйка наняла Бантинга дворецким. Войдя вместе со своим предшественником в столовую, он застал там Эллен Грин, которая аккуратно наливала стакан портвейна: тогдашняя ее госпожа каждое утро в половине двенадцатого пила портвейн. Наблюдая, как горничная тщательно закупоривает графин и убирает его в старое ведро со льдом, новый дворецкий сказал самому себе: «Эта женщина предназначена для тебя!»

Теперь, однако, ее молчание — ее немота — стало действовать бедняге на нервы. Ему уже не хотелось ходить в соседские лавчонки, где он в более счастливые времена был постоянным посетителем, и скудные ежедневные покупки, без которых супруги умерли бы с голоду, теперь приносила миссис Бантинг.

* * *

Внезапно тишину темного ноябрьского вечера нарушили приглушенный топот и резкие выкрики за окном. Это кричали мальчишки — продавцы вечерних газет. Бантинг беспокойно обернулся. Отказ от ежедневной газеты он переносил почти так же тяжело, как воздержание от табака. К газетам он пристрастился даже раньше, чем к курению: ведь слуги все поголовно любят быть в курсе текущих новостей.

Когда крики газетчиков, проникнув сквозь закрытые окна и плотные дамастовые шторы, достигли

его ушей, Бантинг внезапно ощутил приступ интеллектуального голода. Ему было до чертиков обидно и досадно не знать, что творится в окружающем мире! Новости доступны всем — за исключением разве что преступников в тюрьмах. А этот шум, эти душераздирающие вопли означают, что произошло какое-то поистине крупное событие, способное заставить человека на время забыть о своих несчастьях.

Бантинг поднялся, подошел к ближайшему окну и напряг слух. В путанице хриплых голосов постоянно повторялось одно четко различимое слово: «Убийство!» Постепенно пронзительные беспорядочные крики сложились в мозгу Бантинга в подобие связных фраз. «Ужасное убийство! Убийство у станции Сент-Панкрас!» — вот что они означали. Бантингу смутно вспомнилось другое убийство вблизи Сент-Панкрас: одну пожилую леди убила ее служанка. Это произошло много лет назад, но представители его сословия до сих пор не потеряли к данному событию особого и вполне понятного интереса.

Газетчики — а их было несколько, в то время как на Мэрилебон-роуд обычно появлялся лишь один, — приближались; они выкрикивали какие-то другие фразы, но что именно, Бантинг не улавливал. Их голоса звучали все так же возбужденно, но разобрать можно было только одно или два повторявшихся слова. Внезапно он расслышал четкое: «Мститель! Мститель снова взялся за дело!»

За последние две недели в Лондоне было совершено четыре очень странных и жестоких убийства, причем все на сравнительно небольшом участке. Первое не обратило на себя особенного внимания и даже

второе удостоилось в газете, которую тогда еще просматривал Бантинг, всего лишь крохотной заметки. Потом произошло третье, и оно вызвало у публики острое любопытство, поскольку на платье жертвы — пьяной женщины — нашли прищипленный треугольный обрывок бумаги с красной чернильной надписью печатными буквами: «МСТИТЕЛЬ».

И тут уже не только те, в чьи обязанности входило расследовать убийства, не многочисленные прочие, кто задумался об этой мрачной тайне, поняли, что все три преступления совершены одним и тем же злодеем. Не успел этот необычный факт уложиться в сознании публики, как произошло новое убийство, и вновь душегуб оповестил мир о том, что им руководят некие мстительные помыслы — загадочные и жуткие.

И вот уже Мстителя и его страшные деяния принялся поминать всяк, кому не лень. Не далее как сегодня разговор об этом завел с Бантингом молочник, который каждое утро оставлял у их двери на полпенни молока.

* * *

Слегка взволнованный, Бантинг вернулся к камину и бросил взгляд на жену. Увидев ее бледное апатичное лицо, отмеченное печатью глубокой озабоченности, он почувствовал, что его захлестывает волна раздражения. Еще немного, и он наклонился бы и потряс жену за плечи! Утром, когда Бантинг вернулся в постель, Эллиен едва выслушала его рассказ о беседе с молочником. Она давала понять, что не выносит разговоров о таких ужасах, и это было довольно противно.

Забавно: миссис Бантинг обожала слезливые истории, невозмутимо заглатывала, например, все подробности дела о нарушенном обещании, но терпеть не могла рассказов о безнравственности и насилии. В прежние счастливые дни, когда супруги могли себе позволить ежедневно приобретать газету, и даже не одну, и Бантингу случалось наткнуться на какое-нибудь захватывающее судебное дело или загадочный случай, который сулил долгие увлекательные раздумья, ему приходилось сдерживать свой интерес, ибо даже малейший намек на него приводил Эллен в ярость. Но сейчас его слишком одолевала тоска, чтобы заботиться о чувствах жены.

Отойдя от окна, он сделал медленный, неуверенный шаг в сторону двери. Там он полуобернулся, и на его чисто выбритом круглом лице появилось хитрое вопросительное выражение. Так смотрит на родителей ребенок, решившийся на какую-то озорную выходку. Но миссис Бантинг сохраняла полную неподвижность; ее худые узкие плечи слегка возвышались над спинкой стула, где она сидела, вытянувшись в струнку и устремив вперед пустой взгляд. Бантинг повернулся, отворил дверь, быстро вышел в темный холл, который не освещался уже несколько дней, и выглянул из парадной двери на улицу...

По вымощенной плитняком дорожке он достиг калитки, но прежде чем выйти на влажную мостовую, застыл на месте. Пригоршня мелочи в кармане оказалась ему совсем жалкой, и, вспомнив о том, с какой пользой Эллен умеет потратить каких-нибудь четыре пенса, он ощутил укор совести. Потом к нему под-